

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ

Кибериада
Сказки роботов

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

Л44

Серия «Зарубежная классика»

Stanisław Lem
CYBERIADA
BAJKI ROBOTÓW

Перевод с польского

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

Л44 Кибериада. Сказки роботов : [сборник : пер. с польского] / Станислав Лем. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 640 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-103089-6

Сатирико-философские рассказы Станислава Лема, собранные в циклы «Кибериада» и «Сказки роботов» и опубликованные с 1964 по 1981 год, повествуют о воображаемой псевдосредневековой вселенной, где место людей занимают роботы. Они мечтают и влюбляются, совершают подвиги и делают друг другу мелкие пакости — точь-в-точь, как представители человечества. Рассказы были переведены на 18 языков, а также удостоились нескольких радиопостановок и 2 анимационных экранизаций.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

© S. Lem, 1964, 1965

© Перевод. И. Клех, 2018

© Перевод. К. Душенко, 2017

© Перевод. С. Легеза, 2018

© Перевод. А. Громова, 2017

© Перевод. И. Левшина, наследники, 2017

© Перевод. А. Ильф, наследники, 2017

© Перевод. Т. Агапкина, наследники, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

СКАЗКИ РОБотов

СКАЗКИ РОБОТОВ

Три электрицаря

Жил-был некогда на свете великий конструктор, без конца изобретавший всякие небывалые приспособления и устройства. Сделал он себе как-то крошечную машинку, умевшую красиво петь, и назвал ее пташинкой. Было у него наноклеймо с изображением храброго сердца, и он метил им на атомарном уровне все выходящее из-под его рук, так что ученые потом недоумевали, что за сердечки мельтешат у них в спектрографах. Им было создано множество полезных машин, больших и маленьких, но вот однажды нашло на него чудачество неразрывно соединить мертвое с живым и тем самым достичь невозможного. Он вознамерился создать разумные существа из воды, но совсем не те кошмарные, как мог кто-то сейчас подумать. Сама мысль о существах с жидкими телами была ему чужда и столь же отвратительна, как для любого из нас. Нет, он намерен был создать существа разумные и по-настоящему прекрасные — то есть кристаллические.

Выбрал он максимально удаленную от всех светил планету, из ее замерзшего океана наколол похожих на горный хрусталь глыб льда и из них вытесал крионидов. Так они звались потому, что только в космическом холоде и бессолнечной тьме способны были существовать.

Со временем они построили города и ледовые дворцы, а поскольку всякий теплый свет был для них смерти подобен, то для их освещения наловили они и заперли в больших прозрачных сосудах полярные сияния. Те из них, что были богаче, имели сияний больше, с золотистым или серебристым отливом, и тем были счастливы. Все они не только свои сияния обожали, но еще и драгоценные камни, слава о которых далеко разошлась. Камни эти представляли собой замерзший газ, подвергнутый крионидами шлифовке и огранке. Так они скрашивали для себя существование в вечной ночи, где в толщах льда, подобно плененным духам или звездным туманностям, колыхались и мерцали полярные сияния.

Не один космический охотник и завоеватель хотел бы завладеть этими богатствами. Их манил свет Крионии, издали походившей на сверкающий бриллиант, медленно поворачивающийся на подложке из черного бархата. Из самых дальних концов космоса устремлялись сюда авантюристы попытать счастья оружия. Прилетел как-то и электрыцарь Медный, шаги которого отдавались, как удары колокола, но едва он ступал на лед, как тот от перепада температуры моментально плавился под ним, так что уже через несколько шагов он камнем пошел ко дну. Его поглотила разверзшаяся и сомкнувшаяся над ним пучина крионского ледового океана, в которую он вмерз до скончания веков, подобно комару в янтаре.

Судьба Медного не испугала других смельчаков. После него прилетел электрыцарь Железный, опившийся жидким гелием так, что в нутре его стальном все клокотало, а заиндеветый панцирь делал его похожим на снеговика. Но при вхождении в атмосферу его корпус раскалился докрасна, и выпитый им гелий со свистом испарился, а сам он свалился на ледовую горку, моментально растаявшую и превратившуюся в кипящий гейзер. Выпуская клубы пара, он с трудом выбрался из него, но, к чему он не прикасался, все немедленно обращалось

в белое облачко, из которого сыпался снег. Поэтому он уселся, чтобы остыть, и когда снежинки, наконец, перестали таять на его панцире, попытался встать, чтобы немедленно броситься в бой. Но не тут-то было — смазка в его суставах замерзла, и он не смог даже распрямиться. Так и сидит он доныне, а опавший снег превратил его в белый пригорок, над которым торчит только острый шлем. Эту горку с той поры зовут Железной, и в глазницах ее поблескивает застывший навечно взгляд.

О печальной судьбе предшественников узнал третий электрыщарь, Кварцевый, походивший при свете дня на прозрачную линзу, а ночью видимый только по отражению в нем звезд. Он не опасался, что загустеет и замерзнет смазка его суставов, поскольку не было ее в них, не боялся также, что ледовый покров разверзнется под ним, потому что способен был оставаться холодным по собственному желанию. Единственное, чего он должен был избегать, это мысленного напряжения, от которого разогревался его кварцевый мозг, и это могло его погубить. Поэтому он решил сохранить себе жизнь, прибегнув к бездумности, и благодаря этому одержать победу над крионидами. Он отправился в долгий путь сквозь галактическую ночь и так промерз в дороге, что даже железные метеориты, ударяясь о его грудь, звонко разбивались на мелкие осколки, будто стекло. Опустился на белые снега Крионии электрыщарь, похожий на прозрачное зеркало под небом черным, будто горшок со звездами, и только собрался было задуматься, что делать дальше, как снег под ним начал чернеть и превращаться в пар.

— Ого! Никуда не годится! — сказал сам себе Кварцевый. — Ну да ладно, главное ни о чем не думать — и наша возьмет!

И решил он только одну эту фразу повторять при любом затруднении, поскольку она не требовала никакого мысленного усилия от него и не могла повысить температуру. И двинулся Кварцевый через снежную пустыню наобум и бездумно, чтобы холод свой сохранить

в целости. Шел и шел так и дошел до ледяных стен столицы крионидов Фригиды. Разбежался он, чтобы головой стену пробить, но ничего у него не вышло — только мелкие льдинки брызнули по сторонам.

— Попробуем иначе! — приободрил он себя и решил задуматься, сколько будет дважды два. Пока он считал, голова его немного нагрелась, и он повторно ринулся в атаку на искрящуюся стену, но сумел только небольшую вмятину на ней оставить.

— Маловато было, — решил он, — попробуем задачу потруднее. А теперь, сколько будет трижды пять?

Над головой его немедленно образовалось облачко пара, потому что от столь напряженной работы мысли падавший на электроцаря снег сразу же с шипением испарялся. Отошел Кварцевый подальше, разогнался что есть мочи и пробил стену навывлет, а за ней еще два ледяных дворца и три здания сиятельных графов Морозовых, размером поменьше, и покатился по скользким ступеням широкой лестницы, пытаясь уцепиться за перила из ледяных сталактитов. Вскочил он на ноги, как ошпаренный, потому что все вокруг него уже таяло, и он рисковал провалиться в разверзшуюся ледяную бездну под городом и остаться в ней навеки.

— Ничего-ничего, только не думать! Наша берет! — ободрил он себя, и действительно, сразу остыл.

Выбравшись из проделанного им во льдах тоннеля, он очутился на большой площади, окруженной прозрачными колоннами, с мерцающими изумрудом и серебром полярными сияниями внутри. И вышел ему навстречу звездоблещущий рыцарь огромный Бореаль, вождь крионидов. Собрался с духом электроцарь Кварцевый и ринулся в атаку. Началась схватка — грохот такой стоял, словно столкнулись две ледяные горы в Ледовитом океане. Отлетела отрубленная у основания сверкающая правая рука Бореаля, но не дрогнул храбрый воин, а только развернулся к врагу грудью широкой, как ледник, которым он и был, по сути. Его противник вновь

с разбега обрушился на него со страшной силой и повалил. Кварц был тверже льда и прочнее, и Бореаль рассыпался с таким гулом и стоном, словно сошла лавина в горах. Его обломки лежали у ног электрицаря, отражая свет полярных сияний, ставших свидетелями его поражения.

— Наша взяла! Так держать! — воскликнул Кварцевый и сорвал с побежденного драгоценности умопомрачительной красоты: перстни, украшенные водородом, и пряжки с застежками, искрящиеся, как бриллианты, а на деле изготовленные из трех благородных газов — аргона, криптона и ксенона. Но, пока победитель торгался своими трофеями, он так от волнения нагрелся, что все эти драгоценности стали растекаться и с шипением испаряться у него в руках, так что ничего в них не осталось, кроме похожих на росу капелек влаги, да и те высохли на глазах.

— Вот оно как — значит, и волноваться нельзя? Ну да ладно, главное — не думать! — заключил электрицарь и отправился дальше покорять город.

Вскоре он увидел в отдалении фигуру, которая по мере приближения к нему становилась все огромнее. То был Альбуцид Белый, Генерал-Минерал, чью широченную грудь покрывали ряды орденских сосулек, и на ледяной перевязи красовалась большая серебряная Звезда Инея. Этот хранитель королевской сокровищницы попытался было преградить путь электрицарю Кварцевому, но тот налетел на него, как ураган, и разнес вдребезги.

Тут на смену Альбуциду появился князь Астроух, властелин черных льдов. С этим грозным воином электрицарю было не справиться, поскольку на нем были дорогие азотные доспехи, гелием закаленные. Стужей от них такой веяло, что у Кварцевого весь запал пропал и движения замедлились, и даже полярные сияния свои краски растеряли, ощутив близость Абсолютного Нуля.

Кварцевый подумал: «Да что ж это такое? Караул!» — и дернулся что есть мочи, чтобы выйти из сковавшего его оцепенения. От порыва такой силы мозг его раскалился, а Абсолютный Нуль вдруг сделался просто Нулем и стал распадаться на части с треском и грохотом, сопровождавшими его агонию. Осталась на поле брани от Астроуха только кучка почерневшего льда со снегом да грязная лужица талой воды, будто наплаканная.

— Ага, наша взяла! — обрадовался Кварцевый. — Теперь только бы не думать! А если понадобится, то думать. Так или иначе, но я должен победить!

Двинулся он дальше, и шаги его звучали так, будто молот крушит кристаллы. Грозный топот по улицам Фригиды пугал ее жителей, и они взирали на пришельца с отчаянием в сердцах из под нависающих шапок снега на крышах. Он мчался, не встречая препятствий, как разогнавшийся метеор по Млечному Пути, когда вдруг заметил вдали небольшую одинокую фигурку. Это был сам Барион, прозванный Ледоустым, величайший мудрец Крионии. Разбежался Кварцевый, чтобы одним ударом и с ним покончить, но тот сделал шаг в сторону и показал ему два расставленных пальца. Не зная, что бы это могло значить, Кварцевый развернулся и снова ринулся на противника. А тот вновь, увернувшись, уступил ему дорогу и показал теперь только один палец. Удивился немного Кварцевый и замедлил бег, но все же развернулся, чтобы повторить разбег. Он был настолько озадачен, что даже не заметил, как с ближайших крыш стала стекать вода, потому что Барион стал показывать ему новую фигуру: в кольцо из двух пальцев одной руки он сунул большой палец другой руки и стал водить им туда-сюда. Кварцевый крепко задумался, не понимая, что эти немые жесты могли означать, и тут разверзлась у него под ногами твердь, и хлынула оттуда черная вода, а он сам немедленно пошел камнем ко дну. Не успел он сказать себе: «Ничего страшного, лишь бы не думать!», — как его уже не было на свете.

Позднее криониды спрашивали Бариона, благодаря его за спасение, что означали знаки, показанные им жуткому электричарю-бродяге.

— Все очень просто, — отвечал мурец. — Два пальца значили, что нас с ним двое. Один — что сейчас останусь только я. А колечко значило, что вокруг него растопится лед, и черная пучина океана поглотит его навеки. Но он не понял ни первого, ни второго, ни третьего.

— О великий мудрец! — воскликнули изумленные криониды. — Но как же ты решился показывать такие знаки этому страшному злодею?! Только подумай, что было бы, если бы он тебя понял и не удивился?! Он бы не нагрелся тогда и не провалился в бездонную пучину!..

— Ну уж этого я не опасался совсем, — отвечал с холодной усмешкой Барион Ледоустый, — поскольку заранее знал, что он ничего не поймет. Если бы он имел хоть крупицу разума, не прилетел бы к нам. Что пользы существу, живущему под солнцем, от таких драгоценностей, как замерзшие газы или звезды из льда?

Криониды же в очередной раз подивились мудрости своего мудреца и разошлись успокоенные по домам, где царил милый их сердцу холод. С той поры никто больше не пытался напасть на Крионию, ибо перевелись глупцы во Вселенной, хотя некоторые уверяют, что их еще достаточно, только они дороги не знают.

Урановые уши

Жил некогда инженер-космогоник, зажигавший звезды, чтобы тьму одолеть. Прибыл он в туманность Андромеды, когда еще полно было в ней черных туч. Сперва скрутил он громадный вихрь, а когда тот закружился, достал Космогоник свои лучи. Было их три: красный, фиолетовый и невидимый. Перекрестил он звездный шар первым лучом, и получился красный гигант, но не стало светлее в туманности. Вторым лучом уколол он звезду, и та побелела. Сказал он ученику: «Присмотри-ка за нею!» — а сам другие звезды пошел зажигать. Ждет ученик тысячу лет и еще тысячу, а инженера все нет. Наскучило ему ждать. Подкрутил он звезду, и из белой стала она голубой. Это ему понравилось, и решил он, что уже все умеет. Попробовал еще подкрутить, да обжегся. Пошарил в ларчике, который оставил ему Космогоник, а в ларчике пусто, и даже как-то чересчур пусто: смотришь — и дна не видишь. Догадался он, что это невидимый луч, и решил расшевелить им звезду, да не знал как. Взял он ларчик и бросил в огонь. Вспыхнули облака Андромеды, словно сто тысяч солнц, и стало во всей туманности светло как днем. Обрадовался ученик, да недолгой была его радость, потому что звезда

лопнула. Завидев беду, прилетел Космогоник и, чтобы зря ничего не пропало, начал ловить лучи и из них формировать планеты. Первую сделал он газовую, вторую углеродную, а для третьей остались металлы, всех других тяжелее, и получился из них актиноидный шар. Сжал его Космогоник, запустил в полет и сказал: «Через сто миллионов лет вернусь и погляжу, что получилось». И помчался на поиски ученика, который со страху сбежал.

А на планете той, Актинурии, выросла мощная держава палатинидов. Каждый из них до того был тяжел, что только по Актинурии и мог ходить, затем что на прочих планетах земля под ним проседала, а стоило ему крикнуть, как рушились горы. Но дома у себя ступали палатиниды тихонечко и голоса не смели повысить, ибо владыка их, Архиторий, не ведал меры в жестокости. Жил он во дворце, высеченном из платиновой скалы, а во дворце имелось шестьсот огромных покоев, и в каждом лежало по одной руке короля, настолько он был громаден. Выйти из дворца Архиторий не мог, но повсюду имел шпионов, до того он был подозрителен; и к тому же изводил подданных своей алчностью.

Ночью не нуждались палатиниды ни в лампах, ни в ином освещении, поскольку все горы у них на планете были радиоактивные и даже в новолуние можно было запросто собирать иголки. Днем, когда солнце слишком уж припекало, спали они в горных своих подземельях и лишь по ночам сходились в металлических долинах. Но жестокий владыка велел в котлы, в которых растапливали палладий и платину, бросать куски урана и объявил об этом по всей державе. Каждому палатиниду велено было прибыть в королевский дворец, где с него снимали мерку для нового панциря и облачали в наплечники и шишак, рукавицы и наколенники, шлем и забрало, и все это самосветящееся, ибо доспехи были из уранового листа; всего же сильнее светились уши.

Отныне палатиниды не могли собираться на общий совет, ведь скопление слишком уж кучное — взрывалось.